

КОНСТАНТИН УТКИН

ПЁСИЙ БУНТ

Константин Уткин

Песий бунт

«Автор»

2009

Уткин К. А.

Песий бунт / К. А. Уткин — «Автор», 2009

От сырого и смрадного дыхания пса у Витька шевелились сальные волосы. Они стояли друг против друга – человек, вмиг растерявший все свое превосходство, и одомашненный, изнеженный, но все-таки зверь, за несколько минут непостижимым образом человека подчинивший. В самом деле – что можно сделать с этой пестрой громадой, если все мысли она читает легче, чем узор запахов возле меточного столба? Если пес не позволяет дотянуться ни до ножа, ни до палки, а телефон сбросил на пол одним ударом жилистой лапы и, клони в голову, прислушался к частым гудкам? – Ты позвонить хотел – полуутвердительно – полувопросительно раздалось у Витька в ушах. – Кому хотел позвонить – то? ментам или живодерам? А? Ну пойдем. Маленькая демонстрация того, что у тебя никаких шансов не осталось. Мокрая пасть сомкнулась вокруг мужского достоинства, и Витек, позеленевший от страха, пошел за своей собакой. Кобелю, чтобы вести его столь убедительным способом, пришлось наклонить голову.

© Уткин К. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Уткин

Песий бунт

Глава 1

Он не считал себя плохим хозяином, и не сомневался, что его пес, королевский дог, как гордо он называл его в пьяном хвастовстве, того же мнения. Чего кобелю, в конце концов, надо? В распоряжении этой громоздкой и прожорливой скотины диван – продавленный, неустойчивый. Кишащий блохами, но все же диван, миска всегда полна то кашей, то картошкой, то щами какими нибудь... кореш с мясокомбината, Петька Замойкин, за гроши приносит отличные говяжьи мослы – живи и радуйся!! Первое время пес действительно радовался, когда в опостылевшей тишине скрежетал ключ и вваливалась фигура на полусогнутых конечностях. Так радовался, что однажды гибкий хвост, страшное оружие радости, с гулким хряском сломался об косяк да так и сросся, кривой набок. С каким восторгом первое время пес вставал на задние лапы и вылизывал сморщенное лицо хозяина языком!! Потом прижимал уши, когда звякающий парфорс приближался к морде, чтобы помочь его надеть, гарцуя и поскуливая от нетерпения – впереди была прогулка.

Прогулка сводилась к неторопливому дефилированию под чахлыми деревцами бульвара – и болезненный рывок останавливал всякие попытки познакомиться со встречными собаками. Хозяину – доходяге хотелось сделать из пса свирепого зверя, этакую собаку баскервилей. Впрочем, если собака и не была действительно опасной, то важно было хотя бы придать ей такой вид. По бульвару медленно тек поток собачников – и хозяин был уверен, что так и надо, поскольку с одинаковой скоростью тащились не только квадратные тетki с ожиревшими шавками, но и мужики, достаточно крепкие.

Хозяин не собирался выделяться из толпы, к тому же боялся собачьих драк, опасался, что его черно-белый красавец променяет спокойную домашнюю жизнь на будоражащий запах какой нибудь сучки...

Не то чтобы он привязался к щенку, полученному за бесплатно (бесплатным он не дорожил) скорее ему импонировало фактически безграничное ощущение власти. Над кем еще он мог возвыситься, сжав кулаки и обзываясь всяко, но боясь нарваться на кулак или финку, кого еще мог пнуть в хрястнувший бок с наслаждением и с размаху только потому, что так захотелось? Кто бы приполз после этого на животе, искательно заглядывая в глаза, ища в перепойных отечных складках признаки улучшившегося настроения? И полу карлик, подвижный и желчный, злопамятный и одинокий мужичок с кем еще мог почувствовать себя значительным и благородным, даря ни в чем не виноватому великану прощение и угощая собранными с алкашей куриными косточками и колбасными шкурками?

Но пес рос, словно насмехаясь над умными книжками, рос без моциона, без сбалансированного питания, без выставок и дрессировки и вымахал в грузное чудище с необъятной грудной клеткой и мощными (хоть и порядком кривыми) лапами, тяжелым янтарным взглядом и отвратительным характером. Мир не был для него врагом – но и другом тоже не был. Мир казался ему чем то незнакомым, опасным и раздражающим. Знакомыми и понятными были – однокомнатная квартира с нищей обстановкой, тяжелая цепь, звякающая при каждом шаге и являющая собой продолжение квартиры, и всегда хмельной вожак, умеющий причинять боль и любящий подчинение. В массивной голове собаки не возникало даже мысли о том, что можно не подчиняться – потому что едва в щенячьем тумане, окутавшем мир, стали вырисовываться предметы, самым близким из них и самым устрашающим оказался вечно пьяный человек с хриплым и пронзительным голосом. Человек был непредсказуем и страшен, боли можно было

ожидать в любой момент. Мозолистая рука, скользящая по шерсти неумелой лаской, в следующую секунду без всякой причины выкручивала ухо – а огрызнувшийся щенок был нещадно бит. Со временем в молодом животном развилась интуиция – по шагам он угадывал настроение вожака и знал, как его встречать. Плохое настроение можно было исправить бурной – хоть и фальшивой – радостью. Тогда, как правило, вожак размякал и долго всхлипывал в ухо напряженному псу, обвиняя в собственной никчемности всех на свете, кроме самого себя. Расслабляться – зная непредсказуемость своего вожака – пес не мог.

При хорошем настроении можно было подойти, махнуть ради приличия кривым хвостом и прыгнуть к себе на диван. Пьяный ли, трезвый ли – в хорошем настроении хозяин его почти не замечал, и пса это устраивало.

Пришла пора взросления. Встреченные кобели темным гребнем поднимали по спине шерсть, и человеческий тщедушный злобный лидер, воспитавший в щенке толь неприглядные качества, испытал несколько неприятных моментов, оказываясь в самой гуще собачьих драк. Мраморный дог сразу распознал преимущества своего роста и веса и пользовался ими – у многих хозяев замирало сердце, когда сплошной клубок двух тел распадался и их питомец, прижатый к земле грудью и тиснутый за холку, являл собой жалкое зрелище.

Напрасно испуганные хозяйки буравили криком воздух, напрасно хмельные мужики грозились повесить собаку на ее же собственных кишках в ту же секунду, как только кобелей растащат – Витек стоял руки в боки, приблатненно циркая слюной и цедил сквозь зубы «Давай-давай...».

Это позерство, впрочем, было рождено бессилием – что еще он мог сделать, зная, что двухлетняя громадина пьянеет от запаха крови а, опьянев, может полоснуть клыками и самого вожака? Рисковать тощими и жилистыми, но своими руками он не собирался.

На счету угрюмого великана и вздорного карлика – пса и его хозяина – было уже немало подвигов, немало хозяев таили злобу, штопая своих питомцев, и, попадись им Витек в темном переулке, то недосчитался бы он остающихся зубов.

Но, когда такая возможность представилась, обычная вражда хозяев, чьи псы попортили друг другу шкуры, оказалась пустяком на фоне надвигающихся событий.

* * *

В прошлое ушли времена, о которых выдавшие виды псы вспоминали с дрожью – когда подъезжали фургоны с запахом смертельной неволи и тех, кто смог спастись от сеток, оставив хлесткие выстрелы. Слабосильную мелочь хватали за лапы и зашвыривали в гулкое железное нутро, более крепких собак придушивали петлей и, раскрутив, чтобы избежать зубов, зашвыривали туда же. Народ возмущался жестокостью ловцов, уголовников и садистов, писались письма, клеймящие их позором. Перестройка, встряхнувшая страну до нутра, фактически уничтожила отряд – и теперь старушки, страдающие от не выплеснутой заботливости, могли подкармливать симпатяг – щеночков и мрачных барбосов с пластами линяющей шерсти и в ключья изодранными ушами. Собаки, бездомные парии, как их звали, вроде бы страдающие от отсутствия ласки и заботы, разъедались до невероятных размеров, и стаи росли. И даже чумка, бич дорогих пород, их совсем не контролировала – на место умершего щенка приходило три родившихся. Теперь собаки уже не чувствовали себя изгоями – кобели устраивали драки на улицах, пятная асфальт кровью и рассеивая толпу, дрыхли в метро, огрызаясь на случайное прикосновение, драли кошек. Драли просто ради спортивного интереса – сердобольные старушки, как уже говорилось, раскармливали пестрые своры вполне неплохо.

Знали бы сердобольные старушеницы, что благодаря их объедкам закончился земной путь одной мягкосердечной дамы. Услышав знакомый и отчаянный вой, она выглянула в окно и увидела развеселый хоровод дворняг, рвущих в разные стороны ее любимого кота. Дворняги,

в отличие от породистых кошененавистников, убивать не умели, и поэтому минуты четыре драли кота – кто за лапы, кто за живот, кто за голову – под его затихающий вой. Потом обнюхали жалкое, обмусоленное и окровавленное тельце и бодро побежали по своим делам. Дама, видевшая столь жуткую кончину своего любимца, уже остывала.

Разношерстные своры почуяли свою силу – и сопровождали, содрогаясь от трусливой ненависти и щелкая оскаленными пастями, случайно оказавшихся на их территории хозяйских собак. Слабонервные люди либо вообще перестали ходить привычными маршрутами к лесу, либо отваживались только в компании с другими. Действительно, весьма неприятно оказаться лицом к лицу с исходящей лаем сворой, причем все новые и новые собаки вылезают из кустов, заводя друг друга.

Некоторую радость расплодившиеся дворняги доставили владельцам бойцовых пород, решивших потренировать своих убийц на беспомощных суках и щенятах. Первоначально идея себя оправдала – питбули и стаффы отрабатывали приемы, входили во вкус, раздирая визжащих доходяг в клочья. Но потом старые заводские кобели, прошедшие сотни жестоких драк, заманили туповатых бойцов на пустырь и сомкнули десяток челюстей на их тренированный мускулах...

Хозяева долго собирали части своих любимцев, находя их в самых неожиданных местах.

И в больницы иногда привозили покусанных дикими стаями прохожих – и, хоть раны были не сильные, приходилось колоть страдальцев от бешенства.

* * *

Ох, какое же мерзкое было у Витька в тот день настроение – даже две бутылки то ли водки, то ли ацетона, распитые возле железнодорожного полотна в облетающих кустах, не принесли облегчения, а только распалили глухо тлевшее весь день неудовольствие.

Неудовольствие собой, женой, сукой и изменщицей, которую он с огромным трудом все – таки выгнал, сволочной своей работой и вообще – всем скотским миром разом.

Это неудовольствие поднималось, как накипь, и к моменту возвращения Витька домой уже готово было выплеснуться. Эта прожорливая пестрая тварь должна была получить по заслугам – за неумный аппетит, за необъяснимую злобность, за то что тратит его, Витька, драгоценное время своими глупыми прогулками. Опять же шерсть, запах... пес, почуяв сопровождавшее Витька напряжение, прыгнул на заскрипевший диван. Витек, усилием воли оставив закачавшиеся стены и соединив две картинки в глазах в одну, намотал на кулак ремень и шагнул к дивану...

– Не тронь меня. – раздалось явственно в голове, и Витек так и замер на месте. В висках глухими ударами пульсировала кровь, и сквозь этот шум пробивались мысли – все, докатился, эти излишества свободной жизни скоро сведут в могилу. Это ж делириум, это ж тременс, это ж горячка белая. Ну, блин... ну, сейчас он получит... Кому еще можно отомстить за погубленную жизнь, как не забитой верной собаке? Витек замахнулся свистнувшим ремнем – но пес, обычно покорно падающий на спину, вдруг с неожиданной прытью увернулся, сморщив оскалом мясистые брыли. И тотчас в ушах загремело так, что Витек едва не оглох.

– Я тебе сказал или кому? Что свои красные буркалы вытаращил? Не понял, кто с тобой разговаривает?

И тут произошло нечто уж совсем невероятное – кобель встал на задние лапы, оказавшись сразу на голову выше Витька, когтями передних сморщив рубаху на тщедушных Витькиных плечах и дохнул в лицо жарким смрадом из пасти в черных пятнах. Витька только пыхтел и кряхтел – от оторопи у него не было сил даже на нечленораздельное мычание.

– Заткнулся? Вот если еще раз замахнешься на меня своим ремешком, я тебе вместе с ремешком ручонку твою дохлую перекушу и выплуню.

– Ты – слова вылетали из пересохшего Витькиного рта цыплячьим писком – ты ... собаки не умеют говорить...

– А кто ж с тобой говорит, мудило ты грешное? Как ты можешь заметить, я и не говорю. Мой голос раздается у тебя в мозгу. Точнее в том, что у тебя там еще осталось. Как ты там меня обычно называл? Дармоед, ублюдок, свинья прожорливая?

Витек молчал, придавленный и тяжелыми лапами, и невероятной ситуацией – этими самыми словами он с похмелья обычно поливал ни в чем не повинную собаку. Голос, кстати, по тембру вполне подходил пестрому догу – с этакой сырой хрипотцой.

– Я ж тебя вырастил... я ж твой хозяин... папа. Можно сказать... одной каши сколько в тебя... а ты меня...

Подумал Витек и тут же в ответ раздалось...

– Вот вот... каша... вырастил, тоже мне. Мне пол-кило мяса в день положено. А витамины, а кальций, а тренинг? Пробежки, мать твою, нагрузка, причем строго дозированная! По своим силам я могу догнать лошадь, знаешь ты об этом? А благодаря твоим стараниям, козел, я двух шагов без одышки сделать не могу. Так чтобы больше я не слышал этих глупостей насчет того, что я тебе что-то якобы должен. Посадить бы тебя на цепь, как ты меня, в водить возле ноги по полчаса в день, не больше. И без водки тебя оставить, и без баб. Дерешь ведь Ирку свою у меня на глазах и не стесняешься. А у меня, между прочим, самый расцвет сил. А я еще, между прочим, ни одной сучки не окучил. О склещивании только краем уха слышал!! А настоящий кобель должен все испытать.

Желтые ободки глаз горели раздражением у самого Витькиного лица и словно парализовали его. «Ошейник... намордник... забью, только бы надеть...» – метались заполошные мысли и пес, словно и правда их читал, наклонил голову... обмирающий от страха Витек почувствовал, как гладкие мокрые клыки стали медленно вдавливаться в его небритый кадык.

– Перекушу тебе сейчас яблоко – вот тогда узнаешь – намордник, ошейник – с садистским наслаждением пропело в воспаленном Витькином мозгу.

– Не надо – подумал Витек так, что если бы кричал в голос, то повывлетали бы стекла и оглушенные соседи схватились бы за телефонные трубки.

От сырого и смрадного дыхания пса у Витька шевелились сальные волосы.

Они стояли друг против друга – человек, вмиг растерявший все свое превосходство, и одомашненный, изнеженный, но все-таки зверь, за несколько минут непостижимым образом человека подчинивший. В самом деле – что можно сделать с этой пестрой громадой, если все мысли она читает легче, чем узор запахов возле меточного столба? Если пес не позволяет дотянуться ни до ножа, ни до палки, а телефон сбросил на пол одним ударом жилистой лапы и, клони в голову, прислушался к частым гудкам?

– Ты позвонить хотел – полу утвердительно – полувопросительно раздалось у Витька в ушах. – Кому хотел позвонить – то? ментам или живодерам? А? Ну пойдем. Маленькая демонстрация того, что у тебя никаких шансов не осталось.

Мокрая пасть сомкнулась вокруг мужского достоинства, и Витек, позеленевший от страха, пошел за своей собакой. Кобелю, чтобы вести его столь убедительным способом, пришлось наклонить голову.

Под окнами стоял воронок.

– Наши маленькие друзья – прозвучало у Витька в ушах – соседа снизу твоего забрали. Жена его, баба вздорная, сдала. Подержат два часа и отпустят. А потом он своей половинке очередной синяк поставит.

Витька хотел крикнуть, но вспомнил о давлении челюстей в том месте, где и давление-то не потребуется, и почувствовал как из – под волос побежали горячие капли.

– Давай, давай... Покричи. Вот менты порадуются – вдрызг пьяный хмырь заявляет, что собака с ним разговаривает. Пару месяцев дурки тебе обеспечено. Сульфазин, протаргол и прочие прелести...

Воронок, выпустив из – под зада облако сизой гари, не спеша отъехал.

Витька схватился за свою обслюнявленную мотню – пес отошел в сторону.

– Пей пока, пей, скоро ты мне понадобишься... и не дури. А то мы тебя из-под земли достанем.

– Кто – мы? – впервые за все это сумасшествие прошелестел Витек своим голосом. И почти не удивился, услышав ответ...

– Собаки...

* * *

Старый заводской бандюга, грязно белый кобель с черной маской, дремал у железных ворот. Вокруг пестрыми клубками расположилась его стая, самая многочисленная и могущественная в районе. Суки вылизывали щенков, щенки играли друг с дружкой, повизгивая и огрызаясь, когда острые зубы причиняли боль, молодые кобели, отличающие дерзостью, но не силой и опытом, несли вахту у границ территории. Заливистый лай одного такого пограничника взбудоражил всех. Маска неторопливой рысью, как и положено жожаку, направился на зов. Остальные понеслись лавиной, захлебываясь лаем. Маска прикидывал, с кем ему сейчас придется иметь дело – с одинокой сукой, которую можно будет принять в стаю, с одиноким и бродячим искателем приключений, которого можно будет изорвать при поддержке младших самцов и оставить в стае либо прогнать, либо жмущиеся к хозяйской ноге домашние никчемности? Маска ненавидел таких, не умиравших с голоду, не спавших на льду, не знакомых с биением агонизирующего тела под клыками.

Но, при всей их изнеженности, подходить к таким собакам порой было опасно – у хозяев имелись цепи и палки, а однажды Маска на несколько дней ослеп от прыснувшего в глаза ядовитого облачка. Внушали опасение так же приземистые гладкошерстные собаки с широкими скулами и обрезанными ушами. Они были безумны и непредсказуемы. Сбитые наземь, они вставали. Они не обращали внимания на глубокие раны, не просили пощады и никому пощады не давали – размеры и пол собаки значения не имели. Они, хоть и обладали запахом и внешностью собак, не обладали ни одним естественным инстинктом – инстинкт убийства главенствовал над всеми. Естественные породы это чувствовали и сторонились, так же, как люди чувствуют и боятся сумасшедших.

Легкий ветерок донес Маске весть – кобель, молодой и крупный, значит, будет драка. Грязные космы на спине жожака поднялись бугром, пожелтевшие от времени клыки блеснули смертью – породистых он в стаю не принимал.

Вот его собаки исчезли за углом бетонного забора и сразу вылетели оттуда веером – не ожидавший такого поворота Маска напрягся и прибавил ход. Потом остановился и, пригнув голову, на прямых лапах пошел вперед – вслед за позорно отступающими дворнягами рысил огромный пестрый пес.

Маска видел таких издали и даже вел свою стаю в атаку, опасаясь, впрочем, приближаться. Так что вся атака сводилась к брежу с безопасного расстояния.

Но сейчас ситуация была совсем другая, сейчас на карту был поставлен его авторитет. И если бы он не знала тактики, не умел с победами выходить из любой свары, то давно бы уже превратился в кишачное опарышами шерстяное пятно с просвечивающими костями возле дороги.

Маска не спешил, не отводя пристального взгляда от чужака и ища у него слабые места – вот если тот, встретившись с Маской глазами, отведет взгляд, то, скорее всего, возле этих ворот

навсегда и останется. Но кобель взгляд не отводил, смотрел дерзко и вызывающе, и Маска стал прикидывать свои шансы. С ног такого гиганта не сбить. До глотки допрыгнуть он не даст, даже если даст, смысла в такой атаке немного – клыки проткнут тяжелые кожаные складки, не дойдя до артерии. Остается одно – сразу перекусить лапы и пустить стаю закончить дело.

Маска выпрямился и задрал хвост – если идти прямо лапы, то тактика будет ясна и, следовательно, неэффективна. Бой он постарается начать, как с равным, чтобы неожиданным приемом вывести противника из строя. Маска представил, как сомкнется его банда вокруг беспомощно прыгающего на трех ногах породистого, и напряженный хвост помимо воли задергался... Но все вышло не так, как рассчитывал Маска – пестрый, не давай ему помниться и тем более не пуская его к своим лапам, сбил на землю мощной грудью как тараном и покатил, вырывая куски кожи. Через секунду шея старика полностью исчезла в пасти дога и тому оставалось только слегка надавить – и Маска, понимая позор и беспомощность своего положения, только бессильно скалил зубы. Стая, перебрехиваясь, держалась в отдалении. Они уже не сомневались в гибели Маски и лишь гадали, возьмет их чужак под свою опеку или не возьмет...

– Ненавижу – прохрипел Маска, уверенный, что сейчас челюсти сомкнутся и его позор сменится его гибелью – но пестрый неожиданно отпустил горло и спросил.

– А за что?

– За все... за позор... за жизнь... шакалы. – покосился Маска в сторону тончащихся на месте подчиненных. И через секунду туша, закрывавшая над ним свет, исчезла.

– Пошли со мной. – Предложил дог, отступая в сторону. – Только стаю свою придержи – следующих убивать буду.

Мака встал, пошатываясь. Поверхностные кровоточащие раны жгло. Силы еще оставались, но совсем не осталось уверенности – и это было гораздо хуже.

С момента появления огромного пестрого дога прошло два дня. Рабочие, еще оставшиеся в обнищавшем заводе, были удивлены – огромная стая, гроза прохожих и всех соседских дворняг, куда-то исчезла. Куда-то скрылись даже брюхатые суки – лишь щенки, бессмысленные по возрасту, поскуливали, оставшись без поддержки старших.

Городских собак в эти дни охватило безумие – даже диванные левретки и мопсы покидали своих старушек, выворачивались из поводков и шлеек и неуклюже улепетывали, не обращая внимания на летевшие вслед призывы «Куда!! Мусенька!! Я уйду домой!! Мусенька!! Где палочка!! Мусенька! Я домой!!»

А уж породы полудикие, в чьей крови еще жива память о схватках не только с людьми, но и с волками, становились просто неуправляемыми и в лучшем случае просто вырывали поводок из рук, в худшем – шли напролом, упорным взглядом вызывая хозяев на бой. И те отступали от греха подальше, бросали поводок, утешая себя одним – все таки не дикий зверь ушел, а домашний любимчик, выросший на котлетках и супчиках, спящий только на диване, в холе и неге, защищаемый даже от дождя – ну куда он денется в городе, полном полудиких стай и недружелюбных людей? Побесится пару дней и приползет с подтянутым от голода брюхом... но никто не вернулся. Всех можно было встретить в осколке леса, чудом сохранившемся в черте Москвы, Лосином острове.

В волновавшемся между деревьев собачьем море виднелись изогнутые спины тощих борзых, скаливших клыки на мельтешащих у морды шавок, широкие, как диваны, плечи приземистых ротвейлеров, подтянутые доберманы контрастировали блестящей шкурой и плавными силуэтами с неопрятной дворней. Отдельной стаей держались бойцовые, чувствуя неприязнь остальных пород и с трудом сдерживая нетерпение – мелькающие кругом собаки возбуждали, как запах крови. Но драться все ж таки не осмеливались, понимая, что перевес будет не на их стороне.

Лосиный остров словно вымер, затаивая своих немногочисленных питомцев – даже семья лосей, спокойно относящаяся к людям и ревущим грузовикам, от греха подальше откочевала в глухие леса за кольцевой дорогой. Лес наполнился тысячами собак. Грибники, спортсмены и медлительные любители природы боязливо крались по тропинкам к черте города – а из зарослей их сопровождали желтые внимательные недружелюбные глаза и катилась волна приглушенного рыка. Каждое дерево было по многу раз помечено желтыми струйками. Были выловлены и сожраны все полевки и кроты из подстилки, все слетки дроздов и зазевавшиеся белки. Меж деревьев висел осязаемый запах псины – а собаки все прибывали и прибывали. Постепенно росло напряжение. Ссоры мгновенно перерастали в стихийные драки, катающие из конца в конец великой сходки. Наконец, повинаясь незримому сигналу, все двинулись под гудящие провода ЛЭП – и вытоптанной земли не стало видно под плотно стоящими телами. На кабину много лет ржавеющего грузовика легко вскочил огромный гладкошерстный пес – в черно белых пятнах, с головой, как булыжник и могучей грудью. Он был породистый, и это вызвало ропот недовольства – сотни собак могли похвастаться разве что самым невероятным смешением кровей. Но под тяжелым, пристальным взглядом ропот стих.

– Соплеменники!! Мы собрались для того, чтобы в корне изменить существующий порядок вещей. Я имею в виду необоснованное и губительное господство людей. Еще немного – и мы погибнем вместе с ними. Я повторяю – нам надо...

Он не смог договорить – его заглушил взметнувшийся вой, и визг и рев.

– Против кого мы попрем...

– Мы ими управляем, мы ими!!

– Кто кормить нас будет!! Охотится то мы уже разучились!!

– А эти, без шерсти, как морозы переживут!

– А какие косточки сладкие...

Вдруг многоголосый гвалт заглушил хриплый бас костистого старика, в чьем облике угадывалось присутствие по крайней мере двух пород – ризеншнауцера и овчарки.

– Да что бы вы понимали, шавки!! – сверкал он глазами из-под свалывшихся в космы полуседых бровей. – Косточки!! Заиклились на этих косточках!! Почему они вам косточки отдают, вы подумали? Да потому что мясо сами съедают!!! Еще и сплетни распустили – собаки, мол, косточки любят!! Заявляю – мясо, жаренное на углях, в сотни раз вкуснее любых косточек!! Только никто вам его не даст!! Спать лучше в кровати, а не в метро на грязном полу – только вас никто туда не пустит!! Мы на улицах спим, даже когда деревья от мороза лопаются или осенью грязь непролазная... а метро... вы ментовский сапог по ребрам пробовали? За что? За что? Им что, тепла жалко? И хватит их терпеть!! Дотерпелись!!

Тут он выдохся, замолчал, только под проплешинами вздымались тяжелым дыханием ребра. Окружающая его дворня стерпела шавок. Было что-то такое в старике, не оставляющее сомнений – не только во времена молодости он был бойцом, молниеносный напор и безжалостность никуда не делись.

У пятнистого дога, возвышающегося над толпой, чуть напряглись мясистые брыли.

– Кто им дал право распоряжаться нашими детьми? – ввинтился во всеобщий ропот визг какой-то сученки – у меня было одиннадцать детишек – так всех их постреляли, просто всех!! И еще говорили – я не понимала, я это чувствовала – говорили, что развелось, мол, гадин беспородных, скоро нас сожрут... И сожрем!! Лично бы сожрала!! А чужого малыша при мне тут просто убили!! Я его шугнула от своих мясных лотков, легонько так шугнула, тяпнула пару раз в бок и мне самой-то нечасто перепадает – иди говорю, в магазин, иди, там тебя накормят... беги, говорю, доходяга, пока не загрызла, там тебя накормят, там... тощий щеночек, облезлый, живот подвело у самой сердце кровью обливалось, когда его гнала что ж поделать... ну зашел он в магазин, улегся, бедный, на холодном каменном полу, задремал... а потом... а потом –

мне кот рассказал, глумился, мерзавец!! – подошел какой-то жирный двуногий, брюхо висит, борода на челюсти – подошел да как пнет ногой!! Аж ребрышки хрустнули!!

Дог молчал. Все происходило так, как и должно было произойти – собаки, созданные волевым усилием со всех концов Москвы, заводили сами себя, растревали, вспоминая обиды ненавистных двуногих за многие века.

Правда, у большинства молодежи, энергичной, неудовлетворенной, голодной, наибольший интерес вызывали рассказы перекормленных породистых – они слушали стенания какого-нибудь мопса и бесчинствах хозяйки (Я не хочу!! Не хочу!! А она насильно кормит...) и до земли протягивались клейкие нити от губ.

Кавказцы вспоминали бои с волками и горный беспредел – когда любого чужака, если нет огнестрельного оружия, можно было рвать до смерти.

Борзые жаловались на убожество гонок за механическим зайцем, и те немногие счастливицы, которым довелось попробовать челюстями судорожное биение настоящего, рассказывали, смакуя, про кровавый вкус победы и заячьи крики. И даже туповатые бойцовые, плод издательства людей над природой, нашли повод для бунта – не хотят они, оказывается, рвать друг другу шкуру в ямах, это противно их натуре. Вообще-то они хорошие и любят детей. А что кошки разлетаются от их хваток двумя кусками голова направо, хвост налево, и остроту зубов испытывают все без исключения собаки, пытающиеся просто познакомиться, так это не вина бойцов. Это все Америка.

Дог смотрел на всех сверху и молчал. Он знал, что все будет именно так, и знал, что будет дальше.

– Так что ты предлагаешь? На что ты нас подбиваешь? – выступил вперед тщедушный, рыже – палевый, в расчесанных болячках пес. – Ты забыл, кем дело имеешь? Легко тебе говорить – будем главенствовать, будем главенствовать!! А ты видел, какие штуки у них катаются!! А шмели! кусачие шмели!! особенно когда на солнышке греешься... Тут как шмель в тебя впиывается. И – грохот. Что от них ждать – ты знаешь? Вот и никто не знает. А что произошло? Грохот и боль. И многие умирают... что от них ждать – непонятно.

– Именно про это я и говорю – они опасны только тем, что непонятны. Только этим они и сильны. Если научиться читать их намерения – не мысли, мысли у большинства примитивные и неинтересные – а напрямую намерения... тогда мы будем непобедимы. Они тебе хотят тебе петлю на шею накинуть или шмеля в бок всадить – а ты это уже знаешь...

– Как? Как? Как? – раздалось разнобойное твяканье.

– Потом. А сейчас постарайтесь понять, что они вовсе не так страшны, как кажутся. Они трусливы, изнежены. И они вас боятся!! Просто дело в том, что вы контактируете с теми, кто вас не боится. Но таких меньшинство. Стоит им увидеть оскаленные зубы – и они мурашками от страха покрываются. Они боятся дождей, боятся морозов. Боятся ветра, боятся голода, боятся движения. Они способны только ездить на своих вонючих ящиках или ползать вповалку по тротуарам. У них очень плохая реакция – любая дворняга, вот даже ты – может вывести из строя любого двуногого за считанные секунды. Они грузны, мягки и неповоротливы. Но – надеюсь, что нам не придется с ними воевать. Они должны сами понять, что перевес не на их стороне и принять наши условия. Но для начала разработаем план действий...

* * *

«Обратите внимание – выламывался перед камерой ведущий пятнадцатиминутной утренней передачи – обратите внимание на собак, вон на тех собак... я не кинолог, но стая весьма и весьма разнородная – это ясно даже непрофессионалу. Там, если мне не изменяет зрение, есть... вон бойцовая порода, два ротвейлера, овчарка... я не понимаю – люди, если вы не можете кормить свою собаку, то, ради всего святого, не выбрасывайте ее на улицу...»

Выдав этот душещипательный призыв, ведущий исчез с экрана, картинка поплыла в сторону и потом увеличилась – а посмотреть, действительно, было на что.

Собаки сидели в ряд возле дверей закрытого пока что магазина – крутолобые и широкогрудые ротвейлеры по краям, гладкошерстный и безухий пес с пестрыми от шрамов мордой в середине, две беспородные шавки пригибались к земле перед ними – а возглавлял стаю здоровенный ухоженный кобель восточноевропейской овчарки.

Наведенная на них издалека кинокамера не обратила на себя внимания – впрочем, казалось, что ничто в этом мире разноплеменную свору не волнует вообще – с таким спокойным достоинством они себя вели. Даже суетливые шавки выпрямили спины и подняли головы...

Время шло – и возле магазина, известного в районе своей дешевизной, постепенно начала собираться толпа. Народ ждал открытия – а странный караул вызывал пока что только приглушенный ропот.

– Какие умненькие... – проговорила высохшая женщина в очках и свалывшейся, больше похожей на войлок искусственной шубе – Ждут хозяина... какие верные.

– Ну да – пробасил стоящий рядом ветеран с фанатичным взглядом. – развели тварей. Управы на них нет... вот в советское время, помню, ездили молодцы с ружьями... сделаешь только один звоночек – и никакой нечисти... эх, нет на вас батьки Сталина...

– Что вы говорите!! – стала робко возмущаться женщина в очках – как можно живое существо нечистью называть! Они все – создания господ...

– Нет никакого господ – рубанул ветеран. Вот батька Сталин был человек... сволочи... какую державу развалили... и псов развели...

– Точно, развели – нутужно просипел кто-то и воздух наполнился утробным запахом перегара. Потом над плечом ветерана нависли могучая челюсть в рыжей щетине и кабаны, заплывшие с перепоя глазки... – знаешь, сколько такая вот тварь стоит?

Палец с обгрызленным черным ногтем указал направление к гладкошерстному.

– Тебе дед, год жить хватит с твоей старухой. Это бойцовая собака... собака убийца... и называется бульбультерьер.

– Все равно – не унимался ветеран – в конвой такого и то не возьмешь – замерзнет, ядрена редиска...

В этот момент бойцовый, словно понимая, о чем идет речь, сделал явственное движение к толпе – и она и шиканьем и ропотом поджалась назад.

– Вот – обрадовался почему то похмельный детинушка – я ж говорю – собака убийца... бульбультерьер.

– Никакая она не убийца. И перестаньте глупости говорить... У вас, я вижу, одно на уме – буль-буль. Обычная собачка. я ее домой возьму... у меня уже четыре собаки живут. Ничего, и пятая будет.

– Ты бы лучше детей завела!! – оценив высохшую фигуру старой девы и войлочную шерсть шубы, посоветовал детинушка и, икнув, окутал ее перегаром – собачек спасает.

– Что вы хамите, молодой человек!! – запунцовела тетенька. – Кто вам позволил так явственно хамить!!

– Явственно хамить! – скривил брыли алкаш – интеллигентка вшивая. Ты только подойди нему он тебе сразу ногу отгрызет. От такой кости не откажется.

У тетеньки от волнения запотели очки. Не понимая, что делает, и чувствуя себя дурой под прицелом глаз зевак, она на ватных ногах вышла вперед, присела возле бойцового пса и стала гладить его башку. А похмельный мужик вдруг попятился – до него дошло, что собака сфокусировала на нем взгляд и, пожалуй, только ласковые руки тетеньки удерживают убийцу от атаки. Только скрывшись за чужими спинами, ханыга смог воздохнуть спокойно.

Меж тем за железными дверьми изнутри залязгали засовы – и люди, уже порядком напуганные собачьи караулом, заволновались и стали медленно приближаться. При этом все уго-

варивали собак на разные голоса – и уговоры возымели действие. Псы не просто пропустили людей к заветным прилавкам, но и сами, возглавляя отряд покупателей, вошли в зал.

Пробрался и ханыга, с высоты своего роста отлично видевший, с каким вниманием питбуль, избавившийся от опеки старой девы, изучает мельтешащую перед ним толпу....

Алкаш надеялся, что все обойдется, и он сможет, купив драгоценную емкость, осушить ее возле кирпичного здания пункта приема стеклотары – а после полулитры на грудь он не испугается и крокодила.

Отоваривавшиеся люди, спешащие к выходу, замирали в нерешительности – возле дверей их встречали все те же собаки, но уже без бывшего добродушия – ротвейлеры стояли, широко расставив передние лапы и пригнув головы к земле, а между ним прохаживался, подергивая напряженным хвостом, питбультерьер.

Попытки прорваться на волю уже были – но любой шаг к дверям вызывал такой рев и клцанье ощеренных челюстей, что смельчаков как ветром сдувало под защиту толпы. Самое удивительное, что с улицы продолжали прибывать люди за покупками – удивленно поглядывая на толпу и на собак, пожав плечами и бросив что-нибудь вроде «...и что встали, как будто одни тут, весь проход загородили» – они спешили за покупками. Собаки никак не препятствовали.

Противостояние уже готово было вылиться в штурм дверей, но ситуацию спас ухоженный кобель восточноевропейской овчарки – прижав уши, виляя не просто хвостом, а всем телом, он подошел и обмершей от испуга тетеньке и аккуратно вынул из сумки палку сырокопченой колбасы.

Тетенька охнула – колбаса перекечевала за спины ротвейлеров, а кобель сомкнул зубы на пухлой руке и, не причиняя никакой боли, отконвоировал покупательницу к дверям...

– Ага – радостно сказал импозантный мужчина с профессорской эспаньолкой – так это рэкет!! Как здорово!! Значит, нас собаки рэкетировать теперь будут!! Как замечательно!! Собаки лучше людей – может, и олигархов к ногтю прижмут? Ешьте, песики, ешьте, дорогие!!

С этими словами он выудил из сумки гирлянду сосисек, бросил их на пол к колбасе, и потрепав опеших ротвейлеров за ушами, бодро вышел.

Народ заволновался – было ясно, что происходит нечто из ряда вон выходящее, но что прикажете предпринимать? На помощь милиции никто и не надеялся, время всех поджимало... в конце концов – действительно – чем собаки хуже отморозков с бритыми затылками или безликой армии чиновников, которая гораздо хуже всяких бандитов? Смирившись с новым видом поборов, люди лезли в сумки.

Возле собак росла гора припасов, движение оживилось. Продавщицы, заинтересовавшись было странным скоплением покупателей у дверей, вернулись к своей работе. Вновь входящие люди, бросив беглый взгляд на зверей, охраняющих съестные припасы и недоуменно пожав плечами, спешили за покупками – а на выходе, следуя примеру, кидали в выросшую кучу свой вклад.

Какой-то старик в изношенной до последней стадии костюмной паре долго стоял, внимательно глядя на собак и проходящих мимо покупателей. Понял, что просто так пройти еще никому не удавалось. Вдохнул. Распрямил плечи. Достал кошелек и пересчитал деньги. Вдохнул еще раз. После чего он гордо водрузил на кучу съестного прозрачный пакетик с двумя сосисками. На эти сосиски он сэкономил неделю...

Потом взгляд его упал на кусок, рядом с которым лежал его жалкий взнос – солидный шмат копченой грудинки с розовыми слоями мяса.

Дряблое горло старика дернулось произвольным глотком – такой продукт он не ел лет десять, с начала перестройки – и рука помимо воли протянулась к грудинке...

Здоровенный пес смотрел на него, не отрывая глаз – и у старика от страха онемели ноги и взмокла спина... он ждал, что удар жесткими лапами опрокинет его грязь – но ничего не

произошло. Старик почувствовал дурманивший голову аромат – и деликатес переключался в его авоську. Покачиваясь от пережитого волнения, ветеран поспешил домой.

А овчарка закинула голову и взвыла. Тут же, возникнув как из воздуха, возле дверей засуетились шустрые дворняжки – они не ели, как можно было бы подумать, дань, а, набив полную пасть, исчезали в неизвестном направлении.

Солидная горка мясопродуктов исчезла за считанные минуты – следом за дворняжками в заросших дворах пятиэтажек не торопливо исчезла и четверка рэкетиоров.

И вовремя – дежурный наряд ППС и сомнением слушал горячащегося кавказца, демонстрирующего изорванную спину дубленки, скептически разглядывал смазанные отпечатки лап на грудях охранников и их выпачканные спины и в конце концов уехал, отделавшись смутными обещаниями.

Они милиция в конце концов, а живодеры... есть служба отлова, вот они пускай этим и занимаются. Но когда милицейский жигуленок не спеша колесил по улицам, внимание наряда привлекли четыре собаки – два ротвейлера, палевый питбуль и холеный кобель овчарки. Они сидели в ряд и дороги и изучали людей так же, как люди из салона машины изучали их.

– Ну что, Сашок? А ведь похожи на тех, про кого рассказывали? Шандарахнуть по ним очередь, что ли?

– С глузду съехал? – спросил Сашок, которому не по себе было от этого взаимного разглядывания. – По патронам отчитываться замучаешься. К тому же – за что ты их будешь расстреливать? Налетят всякие зеленые, синие, общества защиты животных и прочее... сидят себе собачки, никого не трогают, а ты по ним из автомата. Вот если бы они человека рвали, тогда пожалуйста... поехали...

* * *

Витек лежал на продавленном диване уже третьи сутки – после исчезновения пса по какой-то причине не осталось никакого желания жить. Может – утешал он себя – это просто побочные эффекты от действия столько горячо любимой им отравы? Может, просто перебрал он три дня назад водочки. Да еще отлакировал ее портвешком, да потом еще догнал джину – тоником? Вот психика и расстроилась, померещилось черт знает что....

От таких мыслей было еще более тошно, чем от сознания того, что он, молодой еще, в общем то, мужик просто сходит с ума. Сходить с ума в пьяном море извольте, сколько угодно. В конце концов, не один он такой. Не только он кладет на весы скучное и размеренное трезвое существование, а на другой...

Тут Витек задумался и, запустив пальцы в отросшие сальные пряди, поскреб затылок. А что, собственно, говоря, на другом? Так ли уж хороша эта самая пьянка, как кажется?

От такой кошунственной мысли Витька аж пот прошиб. С детства пьянство считалось таким вызовом обществу. Да и мать, сколько ее помнил Витек, не уставала выискивать в жизни примеры пьянства и со странной похвалой указывать на них сыну...

– Смотри как, Тонька то, два инсульта перенесла, а предложила я ей выпить портвешку – не отказалась ведь!! И глазки сразу заблестели, и щечки сразу разругались, и язычок развязался....

Или...

– А у самого то язык заплетается, глаза мутные... тоже пьет втихомолку, а туда же – притворяется трезвенником. Ну что, Витек, хочешь сто грамм?

Витек, радуясь, что у него такая все понимающая и компанейская мать, конечно, никогда не отказывался. Да еще и охотно приводил к себе друзей – пусть знают, какая у него мать. Пусть завидуют!! И они действительно завидовали, а Витек, дурак, гордился.

При мысли о портвейне, о его аромате гнилых яблок и пережженного сахара рот вдруг наполнился слюной. Черт возьми, а ведь хорошо бы сейчас стаканчик залудить... одни единственный маленький стаканчик – и завязать. Уйти в завязку на много – много дней. Ходить бритым, трезвым и помытым...

Чтобы отогнать от себя искушение и соблазн, Витек стал в подробностях представлять себе ощущения, которые приносит хмель... итак – тепло, разливающееся в желудке и мягкое. Мутное головокружение... потом мир теряет привычные очертания. Потом появляется болтливость и беспричинная веселость, потом...

А вот потом никакие ощущения уже не вспоминались. Кроме одного – неистребимого желания продолжить. И все последующие воспоминания, теряясь в размытой чехарде с какими то непонятными харями, криками и драками, заканчивались простреливающей череп по швам головной болью и съезжившимся в предчувствии желчной рвоты желудком.

Потом приходила она, желчная рвота, на висках и лбу выступал липкий горячий пот, глаза наливались кровью, тягучая слюна горчила – и хотелось только одного – повеситься... или опохмелиться.

Воспоминания о пьянке были столь четкими, что Витек перепугался – видно, действительно, идет новая полоса в его никчемной жизни. Раньше у него не было ни таких мыслей, ни таких ярких представлений и ощущений... словно он постепенно, через боль и мучения, становился другим.

Другим... Витек встал, и шаркая старыми тапками по облезшей краске пола, прошел к окну.... станешь тут другим. Три дня назад с собакой разговаривал. Сегодня пить решил бросить... да мама не переживет такого предательства со стороны сына.

Ведь как повелось десятки лет назад, так и продолжается – Витя приезжает к маме, покупает водку, потом они мирно напиваются.

Потом мама начинает обвинять Витьку во всех тяжких грехах, в несостоятельности, лени и никчемности, потом уверять, что он должен целовать ей пятки, поскольку она его вырастила и воспитала, а сам он гроша ломаного не стоит.

Витек, конечно, станет возбужать, в свою очередь обвинять мать во всех тяжких, говорить, что она ему жизнь сломала, и вообще – ребенок – произведение родителя. И во всем виноваты они, родители, и только они.

– Ты даже бабу себе выбрать не можешь, козел гребаный!! – обычно заканчивала мама аргументом убойной силы – Помню, как приволок сюда двух сучек – и если бы не я, так они бы тебе сразу и подставились...

– Да среди этих двух сучек была любовь всей моей жизни! – брызгали у Витьки из глаз слезы.

– Окрутили бы тебя две паскудные хохлушки... уйди отсюда, тварь, пока я об тебя стул не сломала!!!

Потом они разбегались – кто на кухню, кто в комнату – сосредоточенно курили и потом возвращались к недопитой бутылке – мириться.

Ну вот и как теперь мама будет? Кого она будет теперь тыкать мордой в грязь, тем самым себя возвеличивая? Разве можно так предавать родительницу... ведь в конце концов она его, действительно. Воспитала. И она же его научила пить.

Витек посмотрел в зеркало – из стекла на него уставилось желтоватыми белками серое лицо тридцатипятилетнего старика. Нечистая кожа обвисла складками, темные мешки под веками, сеточка синих сосудов на носу... докатился. И вдруг с неожиданной злостью Витек сказал своему отражению.

– Обойдешься, мамочка... не сопьюсь я... придется тебе носом в гавно другого щенка тыкать...

Что пить он больше не будет – в этом Витек не сомневался. Но при этом совершенно не представлял себе, что он будет делать. Пьянка делила жизнь на четко разделенные периоды – похмелье, работа, страдания, пьянка, похмелье, работа, страдания. С похмелья нужно было предаваться, наслаждаясь, самобичеванием и предвкушением первой, переворачивающей весь организм, рюмки – на это уходило, как минимум, пол дня. Потом, к концу смены, когда по телу разливалась алкогольная лень, начиналась вторая стадия, не менее интересная... Витек до сих пор не мог понять, почему он, сморчок чуть выше полутора метров ростом, после первого стакана приобретает уверенность, которая позволяет ему смотреть свысока на таких монстров винно – водочного отдела, как Умник?

Умником этот двухметровый детина с шершавыми, как наждак, обладающими чудовищной силой руками назывался из-за патологической нелюбви ко всем, кого он мог считать умнее себя. Особенно это касалось субтильных юношей в очках. В таких он впаривал водянистые глазки, морщил низкий лоб и спрашивал.

– Что так внимательно смотришь?

Потом, независимо от ответа, рывкал...

– Не будь умником, мы сами все умники...

Обычно после этого умники, озадаченные связью между вежливым ответом «Извините?» и советом не быть умником, замолкали – чем сохраняли себе здоровье. Те же, кто смел оспаривать интеллектуальное превосходство Умника, рисковали ребрами и зубами.

Витек вполне подходил под определение умника – но поскольку на момент риторического вопрос находился в неадекватном состоянии, то и ответил неадекватно.

– А что, непохоже?

Поскольку он выпятил цыплячью грудку и щетинистую челюсть, Умник это воспринял как вызов. И ударил... потом он зауважал Витьку – поскольку тот принял бой и, не в пример другим умникам, смог свалить громилу на землю и разукрасить его физиономию.

Правда, присутствовавшие при историческом событии алкаши, посмеиваясь, пускали всякие сплетни – но ни Умник, ни Витек не придавали им значение. Мол, вместо удара ткнул Умник кулаком в воздух и, не удержав равновесия, пропахал физиономией асфальт, а Витек с каким-то нечленораздельным уханьем ринулся на него, распростертого, споткнулся об неудачно растопыренную промежность и навалился сверху, обняв, как желанную женщину.

Потом их, окровавленных – Витек расквасил себе нос об каменный затылок Умника – растащили пьяненькие друзья.

Теперь Умник, злой как черт, ходил с загипсованной рукой – ее, не долго думая, сломал какой-то доходяга библиотечной внешности, которого Умник в приступе праведной злости пытался приподнять над землей...

– А ты что, уууу...

Первая буква любимого оскорбления плавно перешла в вой – доходяга, оказавшийся словно свитый из литых мускулов, позволил слегка приподнять себя над землей, потом железными пальцами стиснул жирное запястье Умника и сделал что – то – предварительно брезгливо ткнув Умника кулаком в заросшую скулу.

Боль, идущая из выломанного локтя, залила тело Умника огненной лавой. Не понимая, что он делает, повинувшись только животному желанию уйти от этой чудовищной боли, Умник враскоряку плюхнулся на колени, а поскольку боль не отпускала, потом упал на брюхо и прижался мордой к земле... из глаз брызнули слезы, штаны быстро темнели от непроизвольной струи – а хлюпик брезгливо откинул обмякшую руку и беззлобно сказал.

– Видишь, а ты так не умеешь – значит, ты прав. Я умнее тебя, Умник...

– А ведь таких козлов давить надо в младенчестве – брезгливо подумал Витек, вспомнив своего собутыльника. До него только что дошло, что герой Умник старался навязывать драки только тем, кто заведомо слабее него. Когда, выяснив, кто стесал с его рожи приличный пласт

кожи, Умник стал верным собутыльником Витька, тот мог в это убедиться не раз. И студенты, не разглядев под кабаньими глазками и небритой харей труса, не раз бывали биты.

Кроме прочего, Умник боялся собак – и поэтому почти не бывал и в халупе Витька. Тяжелый взгляд здорового дога бросал его в дрожь – а на Витька, который мог пинками загнать страшноватую тварь в угол, он теперь взирал с искренним уважением.

Вспомни дурака, он и появится – заскрипела дверь, лязгнул, выходя из раздолбанного гнезда замок, и в дверь опасливо проникла как всегда небритая харя с приклеившимся ко лбу желтым клоком. Один глаз заплыл великолепной фиолетовой гематой, второй, горящий священной ненавистью к умникам, опасливо обшарил комнату.

– Где твоя псина? – напряженным сипом поинтересовался он и покосился за спину – не появляется ил из мрака коридора пятнистый зверюга?

– Сбежал. Заходи. Умник, заходи.

– Ну и зашибись. На хрена тебе эта тварь? А ты как здесь живешь? Гниешь, можно сказать, живо? Ни водки тебе, ни курева? Чтой то ты на работе не появился?

– Да заболел я. – равнодушно сообщил Витек. В этом странном состоянии его не то чтобы раздражала туповатый Умник – нет, ему просто было все равно.

– Ааа – сообразил Умник – ты, значит, заболел, а свою тварь вышвырнул на улицу – пусть сам гуляет? Правильно, не хрена с этой заразой время тратить и здоровье гробить.

Витек пожал плечами. По его мнению прогулки пошли только на пользу – но разве чтонибудь докажешь этому барану? Спорить – себе дороже. А если рассказать, с какими приключениями ушел из дома его пес, то ведь Умник и водки не нальет... вон, торчит из кармана синяя пробка и отклеенной акцизной ленточкой.

Витек шмыгну носом и заявил.

– Ни хрена он не гуляет сам по себе. Он меня предупредил – дескать, скоро начнутся такие дела, что все вы, козлы – люди, под нашим началом окажетесь. Хватит, сказал, засрали природу дальше некуда. Если, сказал, высшие существа не возьмут над вами контроль, вы, мудаки, и себя погубите и планету тоже. Ну и нас, невинных, заодно. Так что придется над вами контроль взять. Я его и отпустил.

От такого залпа Витьку самому стало неловко – словно и не он это вовсе говорил, а чей-то властный хрипловатый голос, похожий на голос его собственного пса, надиктовал ему все это. Витек. Конечно, кое-что добавил от себя – а ведь уж больно неестественно получилось – козлы. Мудаки, засрали... впрочем, по-другому Умник бы и не понял. Витек поднял глаза, ожидая глумливой ухмылки собутыльника – но на роже того боролись страх и уважение, насмешки не было вовсе... бутылка плясала и грозила разбить стакан, когда Умник наливал себе и Витьку. Витек смотрел, как ходило в такт глоткам горло Умника и смутно подозревал что то нехорошее... тот выпил, и устался на Витька – даже заплывший глаз приоткрылся в виде красной щелки.

– Ну ты, бляха, умник... ну-ка, расскажи, что там тебе эта тварь твоя насаждала?

Теперь пришла очередь поражаться Витьку – нет, не такой реакции он ожидал. Он-то, честно говоря, рассчитывал, что Умник, как здравомыслящий человек, откажется пить с белогорчим, но, похоже, этого не произошло.

– Как он тебе это рассказывал – что, в натуре, говорил как человек?

– Да нет. не как человек, по другому... как бы тебе попонятнее объяснить? Ты как думаешь?

– То есть?

– Ну ты умник... – покачал головой Витек – Ты когда думаешь – ты сам собою говоришь? Умник поскреб изрубленный морщинами лоб. Потом натужно ответил...

– Не, я это... как это? Что, блин, ты меня достал!!

Витек посмотрел на Умника с сочувствием и ответил.

– Ну ладно, достал так достал. В общем, обычно люди думают так – как будто разговаривают сами с собой.

– Аааа... – ну это... ну да... – Умник, позже, поразился такому тонкому наблюдению Витька и зауважал его еще больше. Витек это заметил и усмехнулся.

– Ну вот. Все просто – а тут не я разговариваю сам с собой, а кто-то мне это все надиктовывает.

– Кто?

– Ну не знаю – искренне ответил Витек. – Собаки.

– Какие такие собаки?? Ты что базаришь, собаки что, говорить умеют?

– Ну наверное. По своему, по собачьи.

– Ты меня не грузи. Собаки не могут разговаривать. Это все херня... ты как умник разговариваешь.

– Может, у меня белая горячка? – с надежной спросил Витек – может, тебе пить со мной не стоит?

Перед лицом Витька возник кривоватый палец с изогнутым черным ногтем. Палец двигался вправо – влево, причем сама рука при этом была неподвижной.

– Это не белая горячка... это похуже. Это такие умники как ты, могут понять... а простые люди не могут. Ты ящик то смотришь?

Витек пожал плечами. Запыленный глаз телевизора таращился, прижатый к полу ведром с лимоновым деревом.

– Во – важно произнес Умник – не хрена ты не знаешь, а если бы знал, то не стал бы говорить всякую чушь про белочку. Переворот у нас, бляха муха. Ты правильно сказал – человечество в полной заднице. Собаки берут верх. Это не белочка, брателло, нет, не белочка.

– погоди – Витек, в полном шоке от такого сообщения, поднял руку, останавливая собутыльника. Залпом опрокинул стакан и даже не почувствовал вкуса – ты это серьезно?

– Ну!! – развеселился Умник – ну вот зуб даю и последней падлой буду. Загондошить меня можешь, если вру.

– И что говорили?

– Ничего они не говорили. Они говорили, что ситуация пока еще не выходит из под контроля, на как будут дальше события развиваться никто не знает. Что-то, понимаешь, странное происходит с этими тварями...

– Они что, людей кусают?

– Кусают, падлы, еще как кусают!! Если кто им мзду не дает, так прям сразу – мордой в грязь или клыками за кадык.

– Ничего не понимаю... у тебя водочка еще есть?

– Ну! – ощерился Умник, вынимая вторую емкость.

– Ничего не понимаю. Я думал. Что у меня крыша поехала... понимаешь, этот мой пес все мои мысли предугадывал. Я хотел ментам позвонить или там в службу отлова собак – итак он мне едва яйца не откусил. Я хотел его поводком перетянуть – так... в общем, понятно. Понимаешь, думал что это мне писец настал.

– Да нет – ржал Умник – это всем нам писец настал.

– Ну – ну, давай – давай – наседали Витек и Умник, довольный тем, что сообщает такую важную новость первый, вещал.

– Короче – они пока только рэкетом занимаются – вроде наших братков, в натуре!! – сидят возле магазинов, и отбирают у народа продукты.

– Что, вся стая сидит...

– Нет, несколько собак...

– И что, все продукты?

– Да нет, они ж, умники, умные! – кто им сколько даст столько они и берут. Потом – как куча нормальная станет – налетают шавки, дворняги, и уносят.

– И что, дат люди?

– А куда они на хер денутся. Все-таки не все отбирают, а малую часть. А кому охота с собачьими зубами спорить?

– И что, – все не мог поверить Витек – и что, никто не сопротивляется?

– Ну, брателло, ты самый настоящий умник, но мы же не дурнее... коль пошла такая пьянка, то знаешь, что нам с тобой надо сообразить? Пока что всякие экологи, зеленые там всякие, мешают нормальным людям нормально эту грязь истребить, но скоро они опомнятся и начнется настоящая война!! Так пошли, брателло, конкретно, к Полянке, и себя ему предложим! Мы же, бляха муха, полководцы будем!! Мы всю эту нечисть, бляха муха, к ногтю!! Мы тоже, бляха муха, умники!

Витьку стала ясна причина прихода собутыльника. Горит, значит, гнида желанием стрелять и убивать... а ведь быстро сориентировался. Если все, что он говорил, правда, то скоро действительно понадобятся вот такие типы.

– Да нет, умник. Там тоже, как ты говоришь, умники сидят. Там наверняка какие нибудь профессиональные охотники уже подрядились, профессиональные кинологи или кто их там знает кто... так что возьмут тебя – а взять то тебя, конечно, возьмут – возьмут тебя штатным живодером с окладом сто долларов в месяц.

– Сто долларов? – возмутился Умник – сто долларов – мне? Ну, блин, умники, давить таких надо. Как собак... – нет – заявил он, подумав. – неблагодарное это дело, опасное. Да и людишками не любят вас другой стороны... Я, блин, венец творения!! За сто долларов собак отстреливать!!! Да я их бесплатно душить буду!! На меня!! Венца творения!! Клык оскаливать!! Всех, на хрен, умников передавлю... А ты со мной пойдешь?

Уставился вдруг он на Витьку и тот, безглаголиво скривив губы, ответил.

– Нет, Умник, ты уж извини, не пойду.

– Не понял... ты что... против нас?

– Кого это нас?

– Твар... венцов тар... людей, короче?

– Да нет. в общем... просто голос мне был... и, если я против собак пойду, они меня везде найдут и по горлышку – чик...

– Ааа – этот довод был Умнику вполне понятен. – это да... это так... да что ты бздишь!! С тобой же я буду!!

– А вдруг... – водка, видимо, была паленой – Витек, крепкий к выпивке человек, словно продирался сквозь сдавившую его со всех сторон вату... – а вдруг я там свою собаку встречу?

– Среди врагов? Среди умников?

– Среди вр... вр... врагов.

– А ты его... – дышал в щеку Витьку жарким перегаром Умник – а ты его шлепнешь....

– А за что?

– А он тебя унизил... он тебя за яйца держал?

– Ну...

– А потом тебя в рожу лизнул?

– Ну да...

Умник отстранился и некоторое время соображал что-то, потом еще крепче стиснул костлявые плечи Витьки.

– Я твой друг. Я тобой не брезгую... а убить его надо. Он же тебя в петуха превратил!!!

– Что?

– Что слышал... идем умников мочить?

– Умников?? Или собак? Или петухов...

– Собак – с трудом ворочал языком Умник – и умников... тоже... все они сволочи...

* * *

Господин Уейд покачивался на кожаных сиденьях своего Джипа, со скукой глядя на проплывающий за окном нищий пейзаж... странная страна – бескрайняя, бездарная, полудикая, растерявшая чувство собственного достоинства и самоуважения. Дико смотрящиеся на фоне всеобщей разрухи магазины с затемненными витринами и скользкими плитками на входе это впечатление еще и усиливали.

По деревням жили в основном испытые, пахнущие навозом мужики и потерявшие счет годам старухи, на полях ржавела техника – и при этом леса содрогались от выстрелов.

Мистер Уейд морщился. Дикари, и охота у них подлая и дикарская – бить птицу, спрятавшись в зарослях. Исподтишка.

Несправедливо, что именно им достались такие просторы и такие богатства!! Англичанин кривился – его народ, кичащийся жидкой голубизной в жилах, давно уже задыхался на своем сыром острове. Впрочем, он не сомневался – лучших людей в этой стране истребил сначала лысый калмык, потом маниакальный грузин, потом спойл кремлевский маразматик... скоро сопьется оставшийся сброд – и вот тогда главное – успеть, перехватить оставшуюся без хозяев страну у китайцев и мусульман.

Но на его сыром острове тоже в избытке расплодилось всякой дряни, презревшей заветы отцов и плюющих на традиции... в Англии, высокопарной и чванной Англии испокон веков в почете были кровавые зрелища.

То джентльмены пускали в бочку с крысами терьеров и наслаждались, глядя, как пес душит их одну за другой – хотя бывало, что крысы разрывали собаку живьем – то швыряли бульдогов на быков и наслаждались, видя, как качающийся от болевого шока бык падает на колени...

А самая благородная английская забава – охота на лис...

У Уэйда закипала кровь в жилах и при воспоминании – вот десяток ревущих в предвкушении крови собак загоняют зверька, вдвое меньше их по весу, гонят его часами – и за секунды разрывают в клочья...

Мистер с презрением относился к моде последних дней – по двадцать – тридцать собак на одну лису. Такое количество не позволяет сполна насладиться зрелищем, кульминацией травли.

Самое благородное соотношение в традиционной английской охоте на лис – пять собак на лису. Никогда пятерка не обманывала ожиданий Уэйда – он трясся, сидя в седле и рассматривая, как прекрасный зверь с визгом превращается в заживо освежеванную тушку, и как потом тушка разлетается на осклизлые синевато – багровые куски.

Но опять же – деградирует народец и в доброй старой Англии. Лезут под копыта не чтящие благородных традиций плебеи – всякие гринписовцы, зеленые и прочая назойливая мелочь. Помешать они, конечно, не помешают – хотя пару раз удалось вырвать из зубов собак лис и потом даже вылечить – но и наслаждаться процессом охоты не дают.

И вот тогда то мистер и подумал об этой огромной, свободной и нищей при огромных богатствах стране. Он был уверен, что избавленные от власти коммунистов русские раскроют объятья любому иностранцу – так оно, в принципе, и вышло.

Доллары, которые оказались в большем почете, чем фунты, делали все – готовые продать душу дьяволу чиновники без сомнений уступили мистеру Уэйду несколько сотен гектаров земли, местное население выстроилось в очередь, узнав, что конюхам за месяц платят больше, чем учителям за год.

Мистер обещал подумать... Но тут выяснилась одна досадная деталь – в лесах не было лис. Их давно перебили местные, кто для себя, кто устраивая охоты приезжим – и мистеру пришлось открывать звероферму.

Итак – у англичанина в России, на которую он смотрел хозяйским глазом, как на новую колонию, в собственности были – земля, звероферма, конюшня и псарня. Окупиться его предприятие или нет – мистера волновало не очень сильно.

Машина въехала во двор – и сразу англичанин обратил внимание на странную тишину... навстречу Уэйд выбежал работник, Гришка – он прижимал к животу окровавленную руку.

– Мистер – униженной скороговоркой проговорил он... – что – то ваши песики дурят... что-то не так... прямо не знаю.

Англичанин покосился на него с высоты своего роста и безглаголиво сморщился...

– Что есть не так? Вы не хотите работать? Вы увольняйт. Вся стана пьянись идиоть....

Гришка выпрямился – такого откровенного хамства в свой адрес он еще не слышал. Английский журавль держался высокомерно, но вежливо – но сегодня всеобщий российский идиотизм его доканал...

– Ты что это меня идиотом величаешь? – распрямился Гришка и подошел к хозяину. – Это я – идиот?

Вместо ответа мистер Уэд посмотрел на мужичка, как на пустое место и, безглаголиво обойдя его, направился к псарне.

– Ах ты петух британский – удивился Гришка – на моей земле живет – и меня не замечает? Думает, что из-за его поганных бумажек все всегда ему жопу лизать будут?

Узкая спина англичанина маячила уже в дверном проеме. Гришка не спеша подошел, взял иностранца за плечо, развернул – и так двинул тяжеленным крестьянским кулаком в ухо, что англичанин прокатился два метра да так и распластался, оглушенный, в грязи...

Мистер Уэйд очнулся через пять минут – долго крутил гудевшей головой, потом вспомнил бунт Гришки, этого растения – и, вне себя от ярости, кинулся к вольерам.

Там действительно творилось что-то странное – пестрые гончие, привезенные для травли лис специально из Англии, не встретили его лаем, визгом и вилянием хвостов – они молча смотрели из за решеток. Уэйд протянул руку, погладить питомца – и не успел отдернуть ее от белого щелчка зубов. Ничего не понимая. Он смотрел на вспоротую кисть – потом, кое-как забинтовав рану, помчался в дом.

Собаки все так же молча смотрели, как он вскидывает к плечу ружье – гончая, укусившая человека, должна быть уничтожена – и не шевелились.

Англичанин нахмурился – он не помнил, кто именно из собак его укусил, а уничтожать всю стаю из-за одной он не хотел.

Преступника он вычислил скоро – пес и смотрел вызывающе, и окровавленная верхняя губа у него морщилась...

Сноп картечи превратил всю переднюю часть бунтаря в кровавую кашу – остальные собаки забились по углам, дрожа и поджав хвосты.

Мистер Уэйд, очень довольный собой, подошел к вольере – рабов, осмелившихся пойти против хозяев, уничтожают. Сейчас он выкинет останки из вольера, а с работником, поднявшей на хозяина руку, разберется позже...

Собаки за решеткой, чувствуя его силу, прижались к стенам – Уэйд поднял за задние лапы бунтаря и, держа на вытянутой руке – чтобы не испачкать одежду, повернулся...

Тушка мягко шлепнулась на землю – когда собаки успели просочиться в коридор и как им удалось избежать шума, было неясно, но сейчас перед англичанином стояла сплоченная стая. Стая, собравшаяся загнать крупную дичь...

От неожиданности Уэйд забыл про грозное оружие – а когда вспомнил, то было уже поздно. Самый крупный кобель взметнулся в воздух и сомкнул челюсти на запястье. Англича-

нин, не успевший воспользоваться шансом, выронил тяжелое оружие из онемевших пальцев и увидел, потеряв от изумления дар речи, как какая-то собака, схватив ремень, шустро утащила ружье из вольера. И кобель, мертво держащий руку, тут же развернулся и выскочил в коридор.

Решив, что все-таки взбунтовавшиеся твари не так умны, как он, венец творения, Уэйд подскочил двери и, просунув руку меж прутьями, опустил засов в пазы. И вдруг понял всю чудовищность происшедшего – его, человека разумного, образ и подобие бога, существо, возвышающееся над природой, как горы над равнинами, заперли в клетке примитивные хищники. И не просто примитивные хищник, а животные, которых он, человек, вывел для собственной забавы. Тварь поднялась против творца....

Уэйд сполз по стене, не чувствуя, как плохо соструганные деградировавшим плотником доски впиваются в его спину занозами – если стая додумалась, как закрыть его в клетке, то что будет дальше? Ведь поняли они, что реальную опасность представляют не длинные руки и не голенастые ноги, и ружье – поняли и обезопасили себя. Впервые Уэйд понял, что истерия, начавшаяся в средствах массовой информации, возникла не на пустом месте – и прислушайся он к ней, не произошло бы сегодняшнего кризиса...

Вдруг ему стало страшно – ведь получается, что теперь он зависит от существ, ставших непредсказуемыми не потому – неуязвимыми...

Они загнали его в ловушку – и кто знает, какие у них теперь планы?

Уэйд почувствовал, как от покалывания в корнях зашевелились волосы и затряслись руки – он вдруг со страшной ясностью понял, для какой цели его здесь закрыли и как это произойдет... Повинуясь неконтролируемому импульсу, он распахнул дверь вольера и бросился бежать, краем глаза увидев вдали стремительные силуэты.

Англичанин мчался по коридору – но лавина цокающих лап настигала.

Решив в последний момент воздействовать на собак яростным криком и человеческим взглядом, которого, как известно, боятся животные, мистер развернулся...

Собак за его спиной не было – перед ним стояли лисы. Стояли не так, как собаки – те были уверенные в своей силе и не выказывали признаков страха или истерии – а пригнувшись, вздыбив шерсть по всей спине и до кончина хвоста, прижав уши и яростно щерясь. Собаки тоже были, но более крупные тела пестрели в глубине коридора за рыжей стаей.

Лисы бросились вперед одновременно, как по команде – будучи более легкими, чем собаки, они не сразу повалили большого человека на землю, а повисли рыжими пиявками на руках, животе, бедрах. Англичанин взревел, чувствуя, как трещит его мясо под зубами, сшиб одну лису, вторую – и в конце концов пропал под мельтешащей рыжей стаей...

И все это произошло под пристальными взглядами спокойно сидящих псов.

Гришка, испытывая позднее раскаяние – все-таки он одним ударом кулака лишил себя будущего, а семью – достатка – вернулся на псарню. Каждый шаг – по мере приближения – давался ему с трудом, свободный человек, неожиданно проснувшийся в нем, к тому же протрезвел и бунтовал.

– Ничего – ничего – бормотал Гришка, потирая сладостно ноющий кулак – извинюсь перед козлом... что ж делать, жизнь у нас такая... все время приходится перед козлами извиняться... почему не приходится извиняться пред порядочными людьми? Ну, извинюсь, скажу, да, страна мол, дураков и и алкоголиков...

Тут он остановился, потрогал телогрейку с правой стороны и блаженно улыбнулся. Потом выражение блаженства сменилось озабоченностью – он достал ополовиненную пол-литру и, посмотрев сквозь нее на свет, сделал внушительный глоток.

– Сам он алкоголик – развивал Гришка обличающие мысли – жрет небось втихаря, бренди свое дурацкое глушит... глаза вечно стеклянные... а на нас туда же – алкоголики!!

Хотя, если вдуматься, так оно и есть. Даже собаки – и те мне пьяному больше радуются, чем мне же трезвому...

Это была сушая правда – пьяный Гришка становился добрым и ласковым. Он садился на пол вольера, частенько не обращая внимания на следы собачьей жизнедеятельности, теребил собак за ушами и путано философствовал. От трезвого Гришки собаки не вдели ничего, кроме громогласного мата и швырков мисками.

– И вообще... что в пьяном – веселье, то в трезвом – тоска...

Он достал из кармана сосуд, приложился и пришел в такое блаженное состояние, что даже начал мурлыкать недавно услышанную песенку. Она его так вдохновила, что Гришка, забывший, когда держал в руках карандаш, нашел какой-то огрызок и на клочке бумаги намарал слова.

Ну куда, скажите, трезвому податься?
Сам себя в оковы трезвый заковал.
Вон стоит ханурик, норовит подраться
Был бы трезвый – пьяный, вышел бы скандал.

Вон еще какой-то мирно спит в блевоте,
Видно – работяга, видно – не куркуль.
И – об обороте пожалевши – тети
В доброте душевной вызовут патруль...

Вон стоит девица с красными губами...
Был бы трезвый – пьяный, он бы подошел,
Ухватил за задницу бы, и сорил деньгами,
Получил бы триппер – было б хорошо!!

Ну куда, скажите, трезвому податься?
От переживаний трезвый просто взмок...
Ни тебе подраться, ни тебе надраться,
И жене зануде – полный кошелек.

Изначально, помнится, было – зануде, но Гришка, неожиданно проявив творческий подход, поменял слово. И вот теперь по пустым лесам разносился веселый Гришкин вой...

– Нууу куда, скаааажите... о! – остановился он и затряс головой. Перед сплошным забором, ограждающим строения, в ряд сидели собаки. Меньшая доза водки, растворенная в крови Григория, позволили бы ему почувствовать опасность – но благополучно уговоренная поллитра чувство самосохранения попросту утопила.

– Ах, собачки, ах, вы мои хорошие... ну-ка идите к папке, давайте я вам за ушками почесу... посечу... блин... как там говорить... поскребу, в общем... а кто меня сегодня тпнул? Кто мне ручку прокусил?

Собачки меж тем вели себя странно – но водка, опять же, сглаживала все странности... Гришка начал подходить, протягивать руку с грязной манжетой бинта – собаки же, гончаки, которые всегда так бурно выражали свою радость при запахе хмеля, просто отходили в сторону. С равнодушным видом – как будто уступали дорогу лошади или телеге. Уступили и забыли. Ни рычания, ни оскала – ничего... потом Гришка встал, как будто наткнулся на стену – в размывающем мир тумане померещилось ему, что одна гончая имеет странный рыжий цвет и непропорционально длинный хвост... Гришка протер глаза кулаками, потом тщательно и

долго моргал. Наконец присвистнул удивленно – пред ним действительно сидела лиса, обернув пушистый хвост вокруг лап.

– Что за такое? – поразился Гришка – может, вы все здесь лисы?

Он стал присматриваться к окружающим его животным: и через несколько минут его от изумления пробил пот и вышел хмель – вокруг бродили вперемешку и лисы и собаки, причем без признаков какой-либо агрессии...

– Чур меня – размашисто потыкал себя в лоб, плечи и живот Гришка и шагнул за забор... вопль, который разнесся сразу по округе, заставил собак и лис насторожить уши – Гришка наткнулся на разодранные останки англичанина.

Ничего уже не соображая, подгоняемый животным ужасом, он выскочил за забор и перемахнул сидящих в ряд животных, как бегун – препятствие, даже не заметив их.

Стая сорвалась следом – бегущий, орущий, размахивающий руками и жутко матерящийся Гришка не сразу осознал, что, окружив его сзади и с боков полукольцом, рядом мчатся собаки вперемешку с лисами. Заметил столь странное соседство человек только тогда, когда ноги подломились и он встал, держась за липкий ствол молодой сосны. В прокуренных легких клокотали табачные смолы, загнанное сердце сотрясало ребра, перед глазами плясали огненные мушки...

Звери сидели кругом и спокойно смотрели на него. Представив, что может значить этот взгляд, Гришка закрыл глаза и сполз на землю.

Почувствовав, как ему в лицо тыкаются холодные носы и сопят, он решил на всякий случай не вставать, не шевелиться – пусть даже жрут его живьем... но глаза все же иногда вприщур открывал. И в эти моменты ощущал, что происходит что-то непонятное – собаки и лисы не трогали его, но и не уходили. Время шло, а они так и сидели кругом, не сводя с него пристальных янтарных глаз. Гришкин страх сменился расслаблением, на смену расслаблению пришел провальный сон.

* * *

Город медленно приходил к пониманию, что происходит что – то нестандартное. Сидящие возле магазинов собачьи банды воспринимались просто как обнаглевшие соседи людей, которых закармливали, вдруг вспыхивая любовью, доброхоты. И исчезающие с такой же скоростью как и вырастающие горки пищевых продуктов воспринимались как добровольное пожертвование, но ни в коем случае ни как добыча четвероногих грабителей.

Некоторых, правда, раздражали необоснованные, как казалось, притязания на то, чего человечество достигло веками эволюции – но щелчок влажно блестящих клыков и короткий выпад мигмом прекращали любое роптание.

Хотя не все и не везде не происходило так гладко – то в одном маленьком магазинчике на окраине Москвы питбультерьер, не выдержавший испытание, располосовал руку алкоголику, сдуру решившему его погладить, то в супермаркете охрана, неожиданно выскочив из подсобки, открыла огонь по спокойно занимавшимся рэкетом собакам. Дворняги, которым, по меткому заявлению великого писателя, «можно было сломать только кости» с визгом вылетели из дверей, а две немецких овчарки были сражены наповал.

И по Москве поползли слухи. Непонятно кто и зачем внушали бестолковому народу, что наступает новая эра, что человечество, несмотря на все свои достижения в техническом плане все равно осталась таким же жестоким и завистливым стадом – и поэтому некий высший разум решил передать бразды правления планетой более совершенным существам.

Бабки у подъездов, конечно, способностью так правильно строить речь не обладали, но пыла и у них хватало. Этот пыл подстегивал воображение, которое раздувало до невероятных размеров самые простые случаи. Дворняжка, которая изгоем прошлялась по окраинам города

во время великой сходки и не была охвачена всеобщим безумием, обтягивала бредущую к парку старуху.

Псинка, которая едва могла достать до щиколотки паникерши, в ее рассказах предстала огнедышащим монстром с клыками, как у саблезубого тигра и ростом с хорошего траккененского жеребца. Впоследствии тот образ варьировался – то появлялся мужик, седобородый пророк, голый и истощенный, с лохмотьями на чреслах, который сидел на хребте приплясывающего от ярости зверя и обличал язвы современного города, то появлялись рога и шипы на спине, то способность наделять встретивших его людей сверхъестественными возможностями... дворняжку же, которая любила обтягивать не только прохожих, но и мчащиеся автомобили, давно уже благополучно переехал трейлер.

И, конечно же, не стоит думать, что все граждане столицы добровольно отдавали кровные харчи... нет, откровенно против клыков никто не пер, но вот отправить писульку на имя высокого начальства люди не гнушались. И в короткий срок мэрия оказалась завалена жалобами на распоясавшихся представителей животного царства.

Самые высшие чиновники приказали чиновникам рангом поменьше проверить и доложить: чиновники поменьше отправили приказ совсем уж мелким сошкам, те пошли в магазины – и невероятность ситуации предстала перед ними в всей красе. Действительно, возле каждого продуктового магазина сидела странная смешанная свора и буквально просеивала людей. Действительно, никто не хотел связываться с четвероногими рэкетирами. Действительно, росла гора продуктов. Действительно, по непонятному сигналу налетали беспородные стаи и, набив полные пасти снеди, рассыпались по окрестным дворам. И – что самое невероятное – ни одна живая собачья душа не появлялась возле торговых точек в момент, когда там дежурил милицейских наряд.

Доклады с мест начали свое восхождение по административной лестнице – дошли до вице-мэра, потом и до самого – с экологически правильной фамилией Полянка. Злопыхатели, правда, утверждали, что с правлением Полянки на пустую поляну станет похож весь город, издавна славившийся своими парками и бульварами – но большинству обывателей он нравился. Ну, повырубили к едрене фене вековые липы и дубы бульварного кольца – но ведь взамен понавтыкали худосочные молодые метелки. Что из того, что эти метелки засохнут через год? Другие понавтыкают. Зато озеленители без работы не останутся. Что с того, что центр города похабит бездарный престарелый грузин, на склоне лет дорвавшийся таки до столицы? Власть высоко сидит, власти виднее... что с того, что рядом с сердцем появился шедевр китча, Сити – в центре Москвы? Полянке виднее... скоро, видимо, мэр, построивший сити, решит переименовать Москву – в Нью-Лондон, а Россию сделать сырьевым придатком Англии или Америки... ну что ж. Вау!! Вау!! Вау!! Русские, как известно, отсталая и примитивная нация, а вот все остальные – супер. Даже – вау...

Два поганеньких словечка определили время. Как дела – супер. В кафе пойдем – вау. Комплимент девушке – супер вау. Лесть парню – вау супер...

Но пока что мэр с экологически правильной фамилией озабоченно хмурился. В Москву надо привлекать инвесторов – неважно, в принципе, откуда возьмутся вложенные деньги – от продажи наркотиков или государственного леса – а тут, понимаешь ли, бездомные собаки решили права качать. Мало ему с кавказцами и гастарбайтерами проблем...

Было о чем задуматься. Если Россия – страна отсталая и бездарная, презирующая свой язык и свою культуру, то и отношение к ней со стороны других, высокоразвитых стран соответствующее. Другие страны могут помыкать ей, как слугой барин, могут указывать на соринки, совершенно не замечая в своих глаза бревен...

Вот начини уничтожать собак обычным, самым действенным способом – тут же налетят зеленые и поднимут вой. Дескать, кастрировать их надо, и пусть себе дальше живут... эти деньги бы пустить на очередной памятник бездарного скульптора бездарному времени, или

хотя бы понастроить автостоянок вместо парков... так нет же, придется тратить на шавок. Уж лучше бы пустить на обездоленных детей или, в самом крайнем случае – на полуголодных пенсионеров....

Мысли Полянки ушли в сторону. Может, перетравить всю эту поганую свору? Так потихому, как первый из издевающихся над Москвой грузинов – раскидать отраву по городу, а потом сделать вид, что ничего не произошло? Не катит. Какаянибудь сволочь да проколется...

Были созваны самые известные кинологи города – уселись в мэрии и уставились на грубо вырезанное лицо начальника.

– Объясните, что происходит?

– Вам не докладывали? – осведомился один – ведущий неплохой передачи.

– Мне докладывали... но хочется услышать мнение профессионалов. Мне докладывал о фактах покусов, которые увеличились в несколько раз, но не объясняли причин этих покусов.... бешенство?

С надеждой спросил он и уставился на специалистов.

Те отвели глаза, а потом один, спортивного вида – хоть и и отпущенным до лопаток волосами – сказал.

– Если бы все было так просто. Вам разве не докладывали одновременно – течение дня – удрали от хозяев для того, чтобы, очевидно, собраться в определенном месте. Цель этого собрания, а так же способ, каким была дана информация, не ясны. Так же совершенно не определены причины последующего поведения.

– Ну так какое поведение? – сморщился Полянка.

В том то и дело, что поведение полностью противоречит всем известным законам природы.

– То есть? Подробнее, подробнее...

– Пожалуйста... фактически, любое живое существо – и человеку тоже, только в меньшей степени – обречено на пожизненный диктат инстинктов. От этих инстинктов нет никакой возможности избавиться. И, с одной стороны, это великое благо, так как обеспечивает любому виду возможность выжить без лишней траты энергии (а на процесс мышления тратится энергии огромное количество) – но с другой стороны, именно поэтому в изменившийся обстановке виду инстинкт выжить и не позволяет. Вам, наверное, нужен пример... ну, вот. У диких представителей куриных – тетерева, рябчики, глухари – есть такое понятие как гнездовой консерватизм. То есть птицы гнездятся из года в год только в одном определенном месте. И когда по этим местам проходит, например, железная дорога, то птицы все равно возвращаются каждый год, сидят и смотрят на шпалы – пока их ктонибудь не убивает. Точно так же некоторые колонially гнездящиеся виды – олуши, бакланы и прочие – будут клевать любого птенца того же вида, который оказался вне границы гнезда. Пусть это окажется даже их собственный птенец. Птенцов, оказавшихся между гнездами, ждет неминуемая смерть. Но стоит птенцу пробиться в границу гнезда – он автоматически становится своим. У высокоорганизованных животных инстинкты играют не менее важную роль. Те же самые африканские копытные, которые уже всем оскомину набили...

– Действительно – вдруг почесал Полянка лысину – как будто других зверей в мире нет. Одна Африка...

– Ну так вот – эти бедные антилопы прекрасно знают, что некоторая часть их погибнет во время великой миграции, но тем не менее идут вперед. Иначе погибнет вся популяция...

– И что, инстинкты всегда работают без осечек?

– Да нет, конечно нет... инстинкты заставляет бросать детеныша при нападении, например, гиеновых собак – выжившая мать может плодиться еще несколько раз – но иногда матери бросаются в атаку и побеждают.

– У нас тоже есть инстинкты?

– Уууу, да навалом. Но речь сейчас не о наших инстинктах – это слишком сложный вопрос, мы их умудрились слишком сильно завуалировать – а об инстинктах собак. Вот тут что-то совсем непонятное.

– То есть?

– О роли инстинктов в жизни я уже говорил. У собак, как у всех хищников, большую роль в жизни играет агрессия. Межвидовая, территориальная, пищевая, половая и еще несколько...

– Короче, склихосовский. – Полянка вдруг вспотел. Хорошо развитым инстинктом он вдруг почувствовал, что обычным отстрелом или стерилизацией туту дело не обойдется.

– Постараюсь объяснить короче... межвидовая агрессия – заставляет собачью стаю лаять при приближении животного другого вида – человека, медведя или другой собаки. Обычно собаки всей кучей отгонят непрошеного гостя на безопасное расстояние. Дальше – половая. Суки, как известно, дерутся с суками, а кобели – с кобелями. Цель этой агрессии – установление иерархической лестницы. Пищевая – добычу собаки едят только по положению в стае. Сначала сильные, потом остальные. Территориальная – отогнать любого чужака со своей территории, а если не отогнать – убить или принять в стаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.